

Краски жизни

Писать письма отец очень любил. Из командировок, в которые родители уезжали вдвоем, они писали вместе: один начинал, другой заканчивал. А так как во времена моего детства жили мы большой семьей в коммуналке, то часто даже конкретного адресата у писем не было — зачитывались они на общем сборе. Часть той квартиры занимали мы, в разные времена от одной до трех комнат, а в остальных комнатах жили наши ближайшие родственники: бабушка и мама двоюродная сестра с мужем, детьми и внуками. На общей входной двери было написано: «Колхоз “Гигант”. Три звонка». Это определение нашей семье дал друг отца Семен Мишин, и папе оно так понравилось, что он сделал соответствующую табличку. Поэтому и письма родители писали для всего «колхоза». Как правило, папа с мамой делились своими впечатлениями от увиденного за границей — такие своего рода путевые заметки.

Телефоны, даже стационарные, тогда были далеко не везде и не у всех, поэтому папа писал и своим родителям, и своим друзьям. Его писем сохранилось много.

Одной из первых поездок родителей за границу стала поездка в Японию в начале 1960-х годов. Там они купили кинокамеру — по тем временам для СССР невероятная экзотика. По возвращении проявляли пленку, заряжали проектор, вывешивали экран и представляли нам видеоотчет, комментируя кадры. Все эти пленки я сохранил и перенес на цифровые носители.

Родители иной раз пропадали на полгода. Например, их первая поездка в Америку длилась семь с половиной месяцев — они проехали не только Штаты, но и Канаду. Это было очень тяжело. Вернулись вовсе не пораженными увиденным, а озверевшими от вояжа и бесконечной работы. Папу вообще нельзя назвать впечатлительным человеком. Мама была другой, и ее, конечно, поразил Париж. У меня любовь к Франции от нее — и сегодня я живу на две страны.

Первый раз мы втроем поехали во Францию, когда мне было четырнадцать лет. Нас пригласил отцовский приятель Пьер, мы гостили у него три недели. После этой поездки моя жизнь на долгие годы разделилась на две части: до Парижа и после. Гуляли

мы с мамой в основном вдвоем, папа этого дела не любил. Он сидел дома — общался с Пьером и его женой Ниной. Пьер Робер Леви — очень интересный человек. Он искусствовед, историк цирка: и царского, и советского, и российского. Довольно продолжительное время Пьер работал помощником Тристана Реми — известного человека в филологических и литературных кругах Франции. Реми тоже изучал историю цирка — его перу принадлежит книга «Клоуны».

Пьер во время войны был участником французского Сопротивления. За свою деятельность он оказался в фашистском концлагере, там и познакомился с Ниной. Русскую девушку немцы угнали из СССР на работы. Она с этих «работ» бежала, была поймана, и ее бросили в тот же лагерь, что и Пьера. Вот в таком страшном месте зародилась их любовь. Когда союзники их освободили, Нина осталась с Пьером во Франции, возвращаться ей было некуда — село, из которого она была родом, сожгли фашисты.

Пьер с отцом общались через Нину — она переводила, а я разговаривал с Пьером поанглийски. Пьер окончил Оксфорд, а со мной в Москве занимался репетитор. В качестве практики Пьер и Нина от меня требовали, чтобы я переводил им русские анекдоты, причем самые непереводимые, и сердились, что я неправильно перевожу, потому что им не смешно. Я парировал, говоря, что надо выбирать другие анекдоты, которые можно перевести.

Сегодня гастроли у цирка бывают крайне редко, а в СССР было три основных выездных «кита»: Большой театр, спорт и цирк. Но если спортсмены своими рекордами были призваны доказать преимущества социалистической системы перед капиталистической, то цирк и Большой театр для страны были важным источником валюты. Например, цирк своими отчислениями содержал весь Госконцерт. При этом артисты получали копейки. Контракты заключались с концертной организацией, а артистам оформляли командировку и платили лишь мизерные суточные — гонораров не было. То же и с Большим: даже если западные антрепренеры приглашали конкретных артистов по индивидуальному контракту, артисты все равно денег не видели. Разве что могли подержать в руках, после чего должны были сдать гонорар в посольство или Госконцерт. Даже ценные подарки от влиятельных поклонников требовалось сдавать.

Папа мой, например, в Америке семь долларов суточных получал, при том что был уже заслуженным артистом. А ведь на эти деньги надо было еще и питаться. Но исхитрялись. Правда, банки с тушенкой родители никогда за собой на гастроли не возили — считали это некрасивым. На выручку приходила папина популярность, всегда находились люди, готовые Никулиным помочь, — бывало, что и продукты привозили...

Один-единственный раз папа оказался в Монте-Карло в жюри мирового циркового фестиваля. Его тогда представили правителю страны князю Ренье III: «Это месье Никулин, директор московского цирка». И первый вопрос, который задал ему принц, был такой:

- А вы воевали?
- Да.
- Я тоже.

Будущий правитель Монако воевал с фашистами в Эльзасе, и два часа князь Монако и Юрий Никулин проговорили через переводчика в неформальной обстановке. Люди, прошедшие войну, чувствуют друг друга и понимают без слов — это особое духовное братство.

Но вернемся в мое московское детство. Среди самых близких отцовских друзей я бы выделил троих. И, что характерно, к цирку никто из них отношения не имел. Опосредованно только Семен Мишин, фотохудожник. Практически все афиши Шуйдина и Никулина — это его работы. Включая знаменитую — когда оба клоуна изза занавеса смотрят в манеж. Другой друг — Илья Семенович Гутман, патриарх советской кинодокументалистики, фронтовой оператор. И третий — Марат Вайнтрауб, фронтовой друг отца — полвойны прошли вместе. Когда папа женился на маме, он пригласил Марата в свидетели. На той свадьбе Марат познакомился с маминной двоюродной сестрой Ольгой Карахан, с которой через год они тоже поженились. Все вместе стали жить в одной коммунальной квартире. Их дети, Наташа и Лева, для меня как родные брат и сестра.

Когда мы из коммунальной квартиры переехали в отдельную на Большой Бронной, мне первое время не хватало нашего колхоза «Гиганта»: связанных с ним общения, суматохи, не хватало моих родных. Конфликтов в нашей большой семье не было и быть не могло — все находились на одной волне. Споры, конечно, возникали, потому что

дядя Марат являлся убежденным коммунистом. Папа тоже был членом партии и в свое время, в начале войны, вступил в нее по зову сердца. Просто в отличие от друга Никулин поездил по заграницам и имел представление о жизни на «загнивающем Западе». Правда никогда ни диссидентом, ни антисоветчиком отец не был и власть не критиковал. Он искренне и справедливо считал, что страна ему многое дала.

Естественно, это было абсолютно заслуженным, поэтому были и возможности широкие, и звания, и хорошая зарплата. Были и слава, и ошеломительная популярность — по уровню таланта. Конечно, папе повезло в том, что его таланту дали раскрыться — никто не мешал и препоны на пути не выставлял. А ведь далеко не все артисты в советские годы имели на своем пути зеленый свет. Многих, кто не вписывался в советскую доктрину, «задвигали» раз и навсегда.

Случались, конечно, в жизни отца ситуации, которые его сильно огорчали. Например, после встреч с некоторыми чиновниками он, бывало, приходил крайне раздраженным. Чванство, тупость, бескультурье — то, что его очень расстраивало. При этом мнение свое папа в основном держал при себе, в дискуссиях не участвовал, переживаниями делился только с семьей.

Еще отца всегда спасало и вдохновляло дружеское общение — это то, без чего Юрий Никулин жить не мог. Общение с дорогими сердцу людьми его расслабляло, позволяло абстрагироваться от работы и проблем, связанных с ней.

Кроме вышеперечисленных друзей у папы были приятельские отношения со многими актерами. Однажды, когда мы еще жили в коммуналке, у нас на пороге возник коллега отца по «Бриллиантовой руке» — Андрей Миронов. Андрей Александрович договорился встретиться с папой у нас дома, а родители как раз в это время отошли по своим делам и задержались. Я открыл ему дверь: «Родителей нет. Подождете их?» Андрей согласился и прошел в нашу комнату.

В то время я читал книгу Виктора Драгунского «Денискины рассказы» — она лежала на столе. Миронов, чтобы скоротать время, открыл эту книгу и начал читать вслух рассказ «Слон и радио». Не знаю, смеялся ли я так еще когданибудь в жизни?! С таким искусством, с таким артистизмом Миронов разыграл в лицах эту историю! И был этот спектакль всего для одного зрителя — для меня.

Гости приходили всегда спонтанно. Почти все, кого потом назовут шестидесятниками, бывали в нашей коммунальной квартире. Для меня, ребенка, все они были дядями и тетями: дядя Женя Евтушенко, дядя Витя Некрасов, дядя Булат Окуджава, тетя Белла Ахмадулина. Собирались в одиннадцать ночи и сидели часов до четырехпяти утра. Мы с братом тихонько пробирались под стол, где про нас иногда забывали, — и это были самые счастливые минуты. Мы сидели замерев и слушали, как читают стихи Евтушенко или Ахмадулина, поют Окуджава или артист дядя Женя Урбанский. Казалось, стены нашего дореволюционного особняка толщиной в четыре кирпича сотрясаются от вокала Урбанского, а оконные стекла дрожат.

Кто-то меня однажды спросил: «Пили, наверное?» Нет, самое смешное, что не пили. Конечно, бутылка выставлялась, но это было лишь дополнением. Денег порой ни у кого не было, поэтому приносили вино, выливали в кастрюлю, бутылки сдавали, а на вырученные копейки покупали плавленные сырки, хлеб, любую другую закуску — никаких разносолов не было.

Когда мы переехали из коммуналки в отдельную квартиру, у нас появилась большая гостиная. А так как наш дом находился в центре Москвы, артистам после спектаклей и концертов было удобно заруливать к нам, и всем в любое время были рады. Гости могли быть самыми неожиданными — постоянной компании не было...

Когда отцу исполнилось шестьдесят, он покинул манеж — сам принял такое решение. Депрессии по этому поводу у него не было. Скука, тягостное ощущение от образовавшейся пустоты, конечно, присутствовали. Однако папа не собирался опускать руки, настолько он был светлым, оптимистичным, деятельным. Цирк достаточно быстро вернулся в его жизнь. Сперва папу стали приглашать в делегации. Несколько раз он выезжал с цирковыми группами на гастроли в качестве руководителя поездки — таким образом съездил в Финляндию и в Швецию.

Прежде чем он стал директором цирка на Цветном, ему предлагали возглавить Союзгосцирк. Пригласили в Министерство культуры: «Юрий Владимирович, есть такое мнение, подумайте...» Отец всеми рабочими новостями всегда делился со мной и мамой. На этот раз тоже, вернувшись домой, за ужином рассказал нам

о поступившем предложении и попросил совета. Мама выслушала и сказала: «Юра, цирку с твоим назначением, конечно, будет лучше. Но тебе и нам будет гораздо хуже. Подумай, что для тебя важнее?» Папа и сам никогда не стремился в руководители, поэтому предложение отклонил, а вот когда попросили возглавить цирк на Цветном бульваре, он откликнулся, потому что для него это был дом. Не только в переносном, но и в самом прямом смысле. И у дома этого протекала крыша.

И под папиным руководством начался процесс по пробиванию для цирка нового здания. Когда отцу, не без малых усилий, удалось достать деньги, началось строительство, которое продвигалось довольно быстро и заняло всего 2 года.

Я видел, как папа зашивается на работе, и предложил ему свою помощь. Сперва помогал в свободное от работы на телевидении время. Около года работал на волонтерских началах бесплатно: приходил и часами разгребал бумаги. Потом, когда стало ясно, что у меня получается — и получается хорошо, папа предложил перейти на работу в цирк. Да я уже и сам втянулся.

В последние годы жизни отца, когда я уже работал в цирке и взял на себя часть его нагрузки, родители лето обычно проводили на даче в Валентиновке. Я им говорил:

— Что вы тут сидите? Поезжайте куданибудь отдохнуть — возможности же есть.

Отец отвечал:

— Зачем мне ездить? Я устал, мне надоело, я уже все видел!

В отпуск его обычно провожали всем цирком: накрывали фуршет, выпивали за папино здоровье, и он уезжал на дачу. Через три дня начинал всех «доставать». Ему было страшно скучно, не хватало людей, суеты. Выручал телефон, часа по три он разговаривал с друзьями — узнавал о делах и последних новостях. Рутинная, размеренная, тихая жизнь была абсолютно не для него. Заканчивалось тем, что Никулин звонил в цирк, вызывал машину и ехал в Москву — хоть на полдня, хоть на несколько часов окунуться в привычный ритм. Без цирка папа своей жизни не мыслил, как и мы — его семья.

Максим Никулин

**Несерьезные
серьезные
письма**

1960–1972 годы

1960 год

16 мая 1960 г.

Милые и дорогие мои!

Сейчас в Сан-Паулу находится советская торговая делегация. 19-го они едут в Рио, а 25-го часть их полетит в Москву. Такой же случай нам представился давно (еще в Рио), но товарищам, которые ехали в Союз, мы письма не успели передать. Так Танька и носила их в сумке до сего дня. Мы постараемся послать и те письма (если сможем).

Вот уже 2 месяца и неделя, как мы в Бразилии! В общем, время пролетело очень незаметно. В Сан-Паулу мы начали 16-го апреля. Сборы здесь очень хорошие и принимают нас превосходно всех. Насчет нашей дальнейшей судьбы — неизвестно. Известно пока то, что Бардиан против того, чтобы гастроли были продлены (импресарио просит еще 20 дней). Если это будет так, то через месяц должны быть дома.

Здесь мы заканчиваем работу через неделю, т.е. 22-го. И скорее всего, поедем в Уругвай (Монтевидео).

Живем мы хорошо. Здоровы. Устаем, правда, прилично. «Рыбаков» так и не пускаем. С одной стороны, это и хорошо. Была бы очень большая нагрузка. И так хватает работы и нам с Мишкой, и Татьяне.

Купили всем кое-какие подарки, но единственно, кого мы пока не можем уважить, — это мать. Из одежды здесь самые наибольшие размеры готовых вещей — это 50-й, и бóльших нигде мы размеров не наблюдали. Придется, видимо, купить матери живого попугая (ведь попугаи вам «во как нужны!»).

Сейчас здесь глубокая осень и поэтому никакой жары нет. В Сан-Паулу вообще холоднее, чем в Рио. (Сан-Паулу расположен гораздо выше над уровнем моря). Вечерами бывает просто прохладно, и мы иногда надеваем макинтоши.

Мы уже послали вам отсюда письма. Интересно — получили ли вы их?

Вот, пожалуй, и все новости. Писать подробности нашего житья-бытья нет смысла. Так не напишешь, как расскажешь. А впечатлений масса.

Целую всех крепко-крепко и обнимаю.

Несколько раз видел во сне маму и один раз отца.

Позавчера смотрели американский фильм «Я ищу своего убийцу». Еще раз целую и обнимаю вас с Госей.

Большой привет знакомым, и особенно Адархам. Мы часто вспоминаем их. Как здоровье Нины Сергеевны?

Ваш:

P. S. Танька лежит и пишет тоже. А я ходил рядом в прачечную за рубашками. Т.к. не было никого из ребят, ходил в компании с дежурным полицейским Володей.

Юра

Родные мои, делаю небольшую приписку. Собственно говоря, и писать-то больше нечего. Самое главное, что мы живы и здоровы. Пишу вам уругвайский адрес на всякий случай. Uruguay, Montevideo, Ramba Wilson Parque Hotel Casino.

Уже живем мыслью о том, что скоро увидимся.

Крепко целую и обнимаю. Привет всем.

Ваша Таня

1962 год

5 октября 1962 г. 17:00. Нью-Йорк

Дорогая мамочка!

Пишу тебе не очень большое письмо, т.к. время в обрез. Спектакли, всякие поездки, пресс-конференции и т.д. Танька выбрала момент написать маме подробнее, а я, чтобы не отстать, пишу тоже, но постараюсь более сжать, т.к. через 20 минут мне нужно быть внизу, где нас ждут корреспонденты.

Долетели мы сюда благополучно.

Летели всего 1 ч. 05 минут.

На аэродроме нас ждали автобусы, которые повезли нас в гостиницу. Гостиница в центре города (недалеко от Бродвея и, главное, в 6-ти минутах ходьбы от цирка).

Цирк в помещении большого спортзала (на 16 тыс. человек). Медиссон Сквер Гартен. Конечно, масса была хлопот с подвеской аппаратуры и сооружением манежа.

Начали мы вчера вечером, зал был неполный (в основном были приглашенные). Прошли мы хорошо. Для усиления программы дали «Воду», которая имела успех. Но публика здесь тяжелее, чем в Канаде. Но все же принимали хорошо. Утром появились рецензии, где программу хвалят (в частности, и нас). В нашем представительстве встретились с Вовкиным приятелем, который позавчера прилетел из Москвы (был в отпуске) и который от Вовки получил задание нас опекать и показать Нью-Йорк (мы с этим парнем еще были знакомы в Москве).

Позвони Вовке со Светланой, передай им от нас привет, а также благодарность за заботу. Скажи, что Володя выполняет их наказ с честью.